

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 81'42

Коняева Юлия Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
yulia.konyaeva@gmail.com

**«УШЕДШИЕ В ВЕЧНОСТЬ»:
РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В НЕКРОЛОГЕ***

Настоящая статья посвящена проблеме речевой репрезентации творческой личности в текстах, являющихся воплощением коммуникативного сценария «некролог». Отмечается, что образ выдающегося современника активно эксплуатируется журналистами с целью утверждения высокой общественной ценности человека-творца как патриота, как носителя и создателя великой национальной культуры. При изучении речевого воздействия исследуемых публикаций в настоящей статье используется инструментарий лингвопраксиологии, что позволяет проанализировать в совокупности речевую и содержательную стороны медиатекстов. Для выявления композиционных разновидностей текстов речевого жанра «портрет творческой личности» вводится понятие коммуникативного сценария как комбинации коммуникативных действий, упорядоченной в соответствии с принятыми алгоритмами речевого поведения. В качестве основных коммуникативных сценариев оценки персоны выделены некролог, юбилейное посвящение и посвящение «герою события». Интенциональность каждого типа текстов включает осведомление о биографических данных, портретное описание, объяснение эстетической оценки этапов творческого пути, социальную оценку роли персоны. Подробно рассматриваются стилистико-речевые особенности репрезентации каждого коммуникативного действия в текстах, являющихся воплощением коммуникативного сценария «некролог». Проведенное исследование показывает, что организующим началом некролога является горечь утраты человека — носителя национальной культуры, лейтмотивом через все повествование проходит невозможность и нежелание поверить в реальность случившегося. В соответствии с этим происходит наполнение указанных композиционных блоков медиатекста. В статье детальному исследованию подвергаются речевые механизмы перехода от тональности скорби и сожаления, традиционно сопровождающей тексты указанной разновидности, к утверждению вечной жизни. Исследуется, как горечь утраты к концу текста переходит в утверждение вечной жизни: великий человек не умирает, он продолжает жить в своих творениях, воспоминаниях современников, в «вечности». Отмечается особая значимость глагольных форм: преобладают глаголы совершенного вида прошедшего времени, отмечающие необратимость потери, а смена форм настоящего и будущего времени на протяжении текста детерминирована развертыванием лейтмотива вечной жизни. Библиогр. 27 назв.

Ключевые слова: лингвопраксиология, интенциональность, речевой жанр, коммуникативный сценарий, речевая репрезентация, речевое воздействие, некролог.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-5506.2016.6 «Личность творца в зеркале современной российской журналистики: модель ценностно-организующего речевого воздействия».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Konyaeva Yulia M.

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
yulia.konyaeva@gmail.com

“GONE TO ETERNITY”: SPEECH REPRESENTATION OF CREATIVE PERSONALITY IN THE OBITUARY

The article discusses the speech representation of creative personality in the obituary. It is noted that journalists actively exploited the image of outstanding contemporary in order to establish a high social value of human-creator as a patriot and the creator of a great national culture. To identify the compositional types of the text is introduced the concept of communicative scenario as a combination of communicative actions, ordered in accordance with the algorithm of speech behavior. Based on the analysis of journalistic texts we highlight several communicative scenarios for assessing the person — commemorative dedication, obituary and dedication “to the hero of event”. Intentionality of each type of texts includes information about biography, portrait description, explanation of aesthetic evaluation of creative way, social assessment of the person. Details are considered to stylistic and speech features of presentation the individual in the texts of “obituary” scenario. The study shows that obituary distinguishes by the tone of sorrow and regret. The organizing principle of the text is the bitterness of the loss of man — the carrier of national culture, a leitmotif through all the narrative passes the inability and unwillingness to believe in the reality of what has happened. The article detailed investigation exposed speech mechanisms of transition from the tone of sorrow and regret to the assertion of eternal life: a great man does not die, he continues to live in his works, in the memoirs of contemporaries, “eternity”. It notes the particular importance of verb forms: predominant verbs in past perfect tense marking the irreversible loss and change of forms of the present and future tenses throughout the text is determined by the deployment of the keynote of eternal life. Refs 27.

Keywords: linguopraxeology, intentionality, speech genre, communicative scenario, speech representation, speech influence, obituary.

Введение

Концепт творца, создателя культурных или материальных ценностей — один из важнейших смысловых концептов в стратегии речевого воздействия журналистики. В связи с этим публикации о творческой личности занимают в медиадискурсе особое место. Образ выдающегося современника, образцового гражданина активно эксплуатируется журналистами с просветительской целью: для утверждения высокой общественной ценности человека-творца как патриота, как носителя и создателя великой национальной культуры. Особенно ярко это проявляется в текстах, поводом для создания которых становится уход из жизни известного деятеля культуры. В связи с этим изучение особенностей речевой репрезентации творческой личности в медиатексте представляется нам важным, поскольку позволяет выявить алгоритм речевого воздействия различных журналистских смыслов на аудиторию. Для выявления речевого воздействия исследуемых публикаций используются инструменты лингвопраксиологии и понятие коммуникативного сценария, что позволяет проанализировать в совокупности речевую и содержательную стороны медиатекста.

История вопроса

Человек издавна воспринимается как центральная проблема, неисчерпаемая в своих гипотезах: это и существо, созданное по образу и подобию Бога, и собственно творец Вселенной, и уничтожитель жизни. Исследования аспектов, связанных

с человеком и его деятельностью, привели к созданию антропологии и доминированию антропологического принципа в науке.

Взгляд на человека как на центр и высшую цель мироздания актуализирует исследования речевого жанра «портрет», определяемого как исторически сложившаяся, устойчивая разновидность речевого произведения [Бахтин; Дементьев; Салимовский и др.], в центре которого — описание человека. Речевой жанр портрета, в свою очередь, получает воплощение в различных традиционных журналистских жанрах (заметка, интервью, некролог, статья, очерк и проч.). Жанр портрета активно изучается в гуманитарных науках. Так, в исследованиях портрета в литературоведении особое внимание уделяется биографии как жанровой разновидности и художественному феномену, формируемому авторской и аудиторной интенциональностью [Аверинцев; Лотман; Лихачев и др.]. Особенностью портретных публикаций в литературной критике является, наряду с биографией, изображение внутреннего мира человека, что диктует обращение к очерковым жанрам [Перхин; Барахов]. Важно отметить и существование исследований, посвященных некрологу как биографическому жанру, основной задачей которого является утверждение ценности жизни отдельного человека для социума [Рейтблат].

В лингвистике при использовании антропологического принципа, развитого в трудах Э. Бенвениста, Ш. Балли, В. В. Виноградова, Ю. С. Степанова, Ю. Н. Караулова и др., человек рассматривается и как субъект речи (говорящий), и как субъект восприятия, воли, эмоций, и как физическое тело, имеющее определенное строение и занимающее определенное место в пространстве. Выделяя в качестве основного отличительного признака наличие у человека сознания [Урысон; Пименова; Никитина и др.], ученые используют различные подходы к созданию портрета человека. При лексико-семантическом подходе человек описывается через концептосферу, номинации предметов и явлений действительности [Апресян; Бабушкин; Одинцова; Вольф; Телия и др.]; при грамматическом — через функционирование грамматических единиц [Арутюнова; Булыгина; Ковтунова и др.]. Возможен и комплексный подход к исследованию человека, утверждающий, что описание прагматики должно предваряться семантическим описанием, которое, в свою очередь, опирается на синтаксис [Кифер]. Последняя позиция в наибольшей степени близка лингвопраксиологическому подходу.

Методика исследования

В настоящей статье при описании человека мы опираемся на лингвопраксиологический подход к исследованию медиатекста, согласно которому «текст как единица общения (!) предстает в его компонентах: коммуникативных шагах, речевых актах, речевых жанрах, речевых действиях, коммуникативно-речевых блоках, смена которых отражает последовательность, алгоритмы речевой деятельности» [Дускаева 2014, с. 10].

Репрезентация личности в медиадискурсе чаще всего обретает форму речевого жанра портрета и предстает в различных композиционных разновидностях. Продуктивной методологической базой исследования современных жанровых реализаций портрета станет, на наш взгляд, обращение к понятию коммуникативно-го сценария [Mynsky]. Под коммуникативным сценарием в нашем исследовании

понимается речевая последовательность, создание которой детерминировано той или иной интенциональностью (индивидуальным авторским замыслом) и определяется как иерархия дескриптивных, модальных и коммуникативных интенций [Дускаева 2012]. Коммуникативный сценарий репрезентации творческой личности определяет порядок реализации главной интенции через ряд дополнительных. Автор выступает как субъект, воспринимающий и оценивающий личность персоны и ее творчество. Сюжетные линии влияют на выбор средств речевого воздействия и определяют последовательность коммуникативных событий.

Исследование речевого материала позволяет нам сделать вывод, что наиболее частотными коммуникативными сценариями оценки творческой личности в масс-медиа являются некролог, юбилейное посвящение и посвящение «герою события». Интенциональность текстов включает в себя композиционно-смысловые блоки: 1) осведомление о биографических данных; 2) портретное описание; 3) объяснение эстетической оценки этапов творческого пути; 4) социальная оценка роли персоны [Дускаева, Коняева, 2015; Коняева].

Анализ материала

Рассмотрим особенности речевой репрезентации творческой личности в некрологах. Отметим при этом, что речь в статье идет не о текстах информационных некрологов, которые рассматриваются исследователями в качестве самостоятельного журналистского жанра [Тертычный]: материалом для анализа послужили публикации речевого жанра «Оценка творческой личности», воплощающие коммуникативный сценарий «некролог». Для репрезентативности результатов нами выбраны тексты, посвященные людям различных творческих профессий (писатель, режиссер, артист, певец, ученый, изобретатель). Такая выборка позволяет обозначить сложившийся текстотип, выявив наиболее общие черты, объединяющие разноплановые по своей жанровой природе тексты.

Организирующим началом в некрологе становится утрата человека — носителя национальной культуры, вследствие чего тексты пронизаны тональностью скорби и сожаления. Лейтмотивом проходит невозможность и нежелание поверить в реальность случившегося. Сообщение о кончине известного человека часто преподносится как личная трагедия, поскольку с уходом человека оказывается потерянной значимая часть общественной и культурной жизни, неразрывно с ним связанная: *2 мая умерла легендарная балерина Майя Плисецкая. На 90-м году жизни. Но до сих пор мне не встретилось ни одного человека, который бы сказал, что горькое событие стало для него ожидаемым. Звучит наивно, но каждому, кто знал Майю Михайловну, почему-то казалось, что Плисецкая — это навсегда* («Меня не интересует старое, меня интересует новое». Труд. 08.05.2015).

О масштабе личности в приведенном отрывке свидетельствует уже номинация: имени и фамилии оказывается достаточно для того, чтобы в сознании сформировался образ знаменитой балерины, дополнительные выразительные средства не требуются. Эпитет *легендарная* не добавляет к образу новых оттенков, а лишь подчеркивает трагизм случившегося. Обозначение факта предшествует его оценке, которая выражена семантическими единицами со значением горечи (*казалось, горькое событие* и др.) и фразой-лейтмотивом «*Плисецкая — это навсегда*», почти

дословно повторяющейся в различных текстах. Приведем еще два отрывка из публикаций других изданий:

— В минувшую субботу умерла Майя Плисецкая... **Странное ощущение нереальности: казалось** ведь, что она — **навсегда** (Ослепительная звезда по имени Майя. Вечерняя Москва. 05.05.2015);

— Майя Плисецкая умерла 2 мая от обширного инфаркта. В Мюнхене, где последние годы проживала со своим мужем, выдающимся композитором Родионом Щедриным. Этой парой невозможно было не любоваться, и **казалось**, что их союз, их любовь **будет вечной** — такая гармония исходила от этих двух далеко не молодых людей. И вот **произошло страшное и, увы, неизбежное** (Ваше величество Женицина. Московская правда. 06.05.2015).

Во всех случаях Майя Плисецкая предстает как неотъемлемая часть российской культуры, именно поэтому практически невозможно поверить в случившееся, но на фоне печали здесь проступает намек на вечность, развивающийся на протяжении всего текста. С этой позиции уже вполне закономерной видится, например, следующая концовка текста:

Смерть не так сильна, как хочет казаться. Смерть тоже **бывает бессильной**. Например, она бессильна против любви. Против любви двух гениев, которая теперь осталась в сердце одного из них и, значит, по-прежнему **составляет** основу его жизни.

Бессильна она и против нашей зрительской любви. Смерть, обнажая неизбежность потери, только **усиливает эту любовь**.

Сам факт того, что **мы были ее современниками**, возвеличивает нас. Нам повезло жить **во время Плисецкой**. Завидуйте нам, потомки!

Мне кажется, **Майе Михайловне Плисецкой должно быть очень уютно среди небесных звезд** (Лететь с одним крылом. РГ. 12.05.2015).

Так горечь утраты в конце текста переходит в утверждение вечной жизни: понастоящему великий человек не умирает, он продолжает жить в своих творениях, воспоминаниях современников, в «вечности». В соответствии с этим утверждением происходит наполнение композиционных блоков медиатекста.

При описании человека как части мира отбираются строго определенные детали: те, что позволяют указать на значительность, уникальность ушедшего человека. Важное место отводится **биографии** героя, которая зачастую представляется полной трудностей и лишений; именно они, по сложившемуся мнению, и формируют выдающуюся личность: **В школе с уроков его гнали учителя — не мог парнишка усидеть за партой. В дорогом колледже, на который с трудом собрали деньги его приемные родители, он едва продержался один семестр. А университетами его можно назвать недолгую работу на посылках в компьютерных компаниях.** (Умер Стив Джобс — великий изобретатель, который ничего не изобрел. КП. 06.10.2011). Описание жизненного пути творческой личности построено с помощью глагольных форм, указывающих на трудности (**гнали, с трудом собрали, едва продержался**), а также имен, обозначающих сложность обстоятельств, в которых закалялся характер личности (**дорогой колледж, приемные родители, недолгая работа на посылках**).

Для некролога характерен обратный порядок подачи биографических данных, что позволяет в начале текста подвести итог жизненному пути человека: **17 апреля 2014 г., на Страстной седмице, скончался католик, социалист, друг Фиделя**

Кастро и СССР. Сильные мира сего почти в один голос высказались так: «Ушел из жизни последний великий писатель современности». Габриэль Хосе де ла Конкордио Гарсиа Маркес. В 1982 г. он получил Нобелевскую премию по литературе — «За романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента» (Последним из великих. АиФ. 23.04.2015). Заметим, что называние имени ушедшего перенесено в самый конец смыслового единства, таким образом автор «оттягивает» необходимость признавать свершившийся факт.

Значимы в некрологе глагольные формы: преобладают глаголы совершенного вида прошедшего времени, отмечающие необратимость потери, но значимы и формы настоящего и будущего времени, смена которых на протяжении текста детерминирована развёртыванием лейтмотива вечной жизни:

Она ушла на 90-м году из-за обширного инфаркта, не дожив до юбилейного гала-концерта несколько месяцев.

Когда появилась страшная новость, я не поверил. И тут же стал лихорадочно набирать телефонный номер квартиры в Мюнхене, где живут Щедрин и Плисецкая. Вот сейчас услышу ее бодрое, приветливое: «Слушаю вас, Колечка, как там в Москве дела...» Увы...

Майе Михайловне стало плохо, ее увезли в клинику — обширный инфаркт. По словам друзей знаменитой семьи, врачи пытались сделать все возможное, но сердце Плисецкой оказалось слишком слабым, измотанным годами. Родион Константинович, муж Майи Михайловны, на сильных лекарствах. Они ведь не мыслили жизни друг без друга (Плисецкая так мечтала еще раз выйти на сцену Большого. КП. 02.05.2015).

Как видим, повествование постоянно «скачет», переходя от прошедшего времени (*ушла, появилась, стал набирать*) к настоящему (*живут*) и будущему (*услышу*), а затем снова возвращаясь к прошедшему (*стало плохо, увезли, пытались* и др.). Такой кольцевой способ изложения позволяет автору, хорошо знакомому с героем публикации, обозначить случившееся как личную трагедию. Для усиления минорной тональности используется мемуарная форма подачи биографических данных. Собственно факты отходят на второй план, уступая место авторской оценке. Сообщение о событии подается через призму авторского восприятия, на что указывают повествование от 1-го лица, обилие личных местоимений и глаголы совершенного вида в прошедшем времени. Однако в первую очередь этот рассказ пронизан чувством глубокой грусти от потери близкого автору человека. Грусть проскальзывает в «репортажных» деталях, использовании чужой речи, употреблении лексических единиц, говорящих об эмоциях автора, подчеркивая невозможность изменить что-либо.

Значимы формы настоящего и будущего времени и при описании вклада человека в современную жизнь общества. В этом случае прошедшее время уступает место настоящему, когда речь идет, например, о творческом наследии режиссера, созданных им образах, которые продолжают жить и после смерти творца, а будущее время говорит о продолжительности, «вечности» такой жизни:

Конечно, советский интеллигентный человек никогда не был таким, каким его представил Рязанов. Но — и это важнее — он верил в то, что был. Таким его запомнили современники, таким его будут изучать историки. Если тридцать лет смо-

треть «Иронию», **станешь** в итоге Надей или Лукашиным. Хоть кем-то из фильмов Рязанова **станешь** обязательно. Надя, я вернулся!

Сын чиновника Милосердова из «Гаража» **стыдится пользоваться** блатом, **сочувствует** жене маленького человека Гуськова. Большой начальник Леонид Семенович из «Забывтой мелодии для флейты» **разрывается** между карьерой и большим чувством к медсестре Лиде. Людмила Прокофьевна **влюбляется** в благородство души Новосельцева и **становится** из умницы красавицей. Женя Лукашин **находит** свое счастье в одну ночь, случайно и навсегда. Ты **появишься** у двери в чем-то белом, без причуд (Сиротство без иронии. Lenta.ru. 03.12.2015).

Особое место в некрологе занимает **портретное описание**. Оно не дает комплексного описания внешности, выделяя лишь детали. Это, как правило, несколько штрихов, дающих представление о человеке как части мира: особые черты внешности, поведения, характера, которые были визитной карточкой человека при жизни и делали его образ узнаваемым. Например, портретное описание балерины Майи Плисецкой — это всегда обилие художественных средств выразительности, ее образ — в деталях: внимание привлекают в первую очередь грация (упоминание рук, указание на грациозность движений), легкость (через метафоры Андрея Вознесенского) и темперамент (отсылкой к одной из знаковых танцевальных партий балерины):

— Тонкие **изящные руки**, миндалевидные глаза, **грация в каждом движении** (Прощай, Майя. Вечерняя Москва. 05.05.2015);

— На сцене Плисецкая казалась огромной. А ведь была, по словам Вознесенского, «**невесомостью — в мире гирь**», «**самой летящей — в мире неповоротливости**» (Линия фронта Майи Плисецкой. Вечерняя Москва. 07.05.2015);

— С того дня **имя Кармен рифмуется с именем Майя**. Она была такой же **гордой и независимой**, как героиня Проспера Мериме (Майя Плисецкая: больше, чем балерина. МК. 06.05.2015).

Для сравнения, при описании внешности Стива Джобса внимание сконцентрировано на его неизменной одежде, намекающей на несоответствие внешнего вида внутреннему миру человека:

Эти **вечные кроссовки, растянутая водолазка и нарочито простенькие джинсы...** (Умер Стив Джобс — великий изобретатель, который ничего не изобрел. КП. 06.10.2011).

Осознание невозполнимой потери сопровождается в некрологе и оценку самой личности, и оценку ее творческого наследия:

Нынче записи Яака Йоалы — **золотой фонд** нашей эстрады, потому что **редкий певец** обладал **таким** музыкальным образованием и опытом, как Яак, **умевший играть** на многих инструментах, **чувствовавший стиль** и **умевший передать** со сцены или с экрана чувства, которые вызывала в нем та или иная песня (Умолкнул голос соловья. Невское время. 29.09.2014).

В приведенном отрывке музыкальное наследие артиста выступает основанием оценки, отмечается значительность его для культурной жизни страны, а сам артист в связи с этим причисляется к элите советской эстрады. На исключительность тех качеств, которыми обладал артист и которые безвозвратно потеряны с его уходом,

указывают положительно окрашенный фразеологический оборот *золотой фонд*, оценочное прилагательное *редкий*, указательное местоимение *таким*. Обращаем внимание на характерную форму глагольных конструкций — прошедшее время (*чувствовавший, умевший* и проч.). Подобное положительно окрашенное описание создает имплицитное противопоставление, выделяя ушедшего человека из множества живущих, отчего печаль от утраты становится очевидной.

Социальная оценка роли персоны лейтмотивом проходит через весь текст. Например, в начале текста: *В новостном потоке этой недели особенно больно отозвалось известие об уходе из жизни режиссера Эльдара Рязанова. Скорбь, как и по любому другому человеку, сожаление об утрате талантливейшего режиссера, печаль — это все естественно, понятно. Тревожно оттого, что ушел еще один носитель, хранитель и «распространитель» культурного кода, производитель целебного эликсира для наших душ* (Секретный код. Рязанские ведомости. URL: <http://tv-ryazan.ru/news/47469.html>). Обращает на себя внимание обилие лексем с семантикой печали (*больно отозвалось, скорбь, сожаление, печаль* и др.). Эстетическая оценка того вклада, который режиссер внес в культуру страны, проявляется через постепенное осознание утраты чего-то важного. В речи это находит отражение как на уровне лексики (использование положительной оценочной номинации *носитель, хранитель* и «*распространитель*» культурного кода, метафоры *производитель целебного эликсира для наших душ*, проводящей аналогию между деятельностью режиссера и врачеванием), так и на уровне грамматики (суперлатив *талантливейшего*, слово *тревожно*, передающее состояние, и проч.).

Своего апогея оценка достигает в заключении: *Он [Яак Йоала. — Прим. автора] излучал те положительные эмоции, которых нам сегодня так не хватает и в жизни, и в культуре. И мы всегда с благодарностью будем вспоминать того светлого человека и артиста, который подарил нам столько радости и страсти* (Умолкнул голос соловья. Невское время. 29.09.2014). Отношение аудитории к герою публикации выражается личными местоимениями 1-го лица множественного числа. Особое внимание здесь следует обратить на чередование глагольных форм: прошедшее время при упоминании ушедшего артиста (*излучал, подарил*), настоящее для обозначения момента речи, в котором человека уже нет (*не хватает*) и будущее, позволяющее поднять тему вечности (*будем вспоминать*).

Помимо оценки эстетического наследия, в текстах может присутствовать и экспертная **оценка общественной деятельности** героя, его влияния на окружающий мир. Это может достигаться перечислением фактов, обозначающих вклад в науку и искусство, с включением положительно окрашенной лексики: *В плеяду великих физиков XX века он [Виталий Гинзбург. — Прим. автора] вошел по праву, по честному гамбургскому счету. На этом счету разработка квантовой теории эффекта Вавилова-Черенкова, весомый вклад в изучение проблем управляемой термоядерной реакции, создание вместе с Ландау феноменологической теории сверхпроводимости, исходя из которой была развита теория сверхпроводящих сплавов — знаменитая ГЛАГ (Гинзбург, Ландау, Абрикосов, Горьков). И многие другие открытия в самом широком диапазоне — от микромира (Виталий Гинзбург — один из «отцов» сегодняшних научных представлений о сверхпроводимости) до космогонических масштабов и расстояний астрофизики* (Человек из завтрашней России. Новая газета. 11.11.2009). Либо, как в приведенном ниже отрывке, исполь-

зуется особый глагольный ряд (*разоблачал–препарировал–изучал*) в сочетании с выразительными средствами языка (метафора *сладко-печальная дрожь* и антитеза *столкновение Нового времени и Средневековья*): *Конечно, смысл творчества Габриэля Гарсиа Маркеса совсем не только в этой сладко-печальной дрожи его читателей. Он разоблачал диктатуру, препарировал жестокость как явление, изучал покорность как феномен, он оказался хроникером столкновения Нового времени и Средневековья, которое во многом еще держалось в Латинской Америке его молодости* (Великий и любимый. Коммерсантъ. 19.04.2014).

Таким образом, речевая репрезентация творческой личности в тексте некролога строится путем постепенного перехода от информационной составляющей текста к оценочной. Это позволяет привлечь внимание читателей на те положительные качества выдающейся личности, которые потеряны для общества с ее уходом, и в то же время выразить благодарность человеку, оставившему след в истории. В качестве иллюстрации приведем еще два примера:

1. Интеллигентность, которую редко встретишь... Она стала частью нашей страны, культуры... да и, собственно, каждого из нас. Такой она и останется. Спасибо вам, Майя Михайловна! (Ослепительная звезда по имени Майя. Вечерняя Москва. 05.05.2015);

2. Маркес умер дома, в окружении близких. В марте ему исполнилось 87 лет. Думаю, во всех странах мира поклонники его творчества перелистывают сейчас и без того зачитанные до дыр томики «Ста лет», пытаюсь понять... И нет для писателя славы иной... (Сто лет одиночества Габриэля Маркеса. Вечерняя Москва. 21.04.2014).

Посвященные людям разных творческих профессий, они объединены наличием деталей, указывающих на то, что человек не исчезает из мира бесследно. Обратим внимание на благодарность ушедшему, адресованную лично и в то же время уходящую в вечность, и на глагольную форму во втором отрывке, которые в очередной раз говорят о вечной жизни великого человека.

В заключении сформулируем **выводы**.

1. Некролог является композиционной разновидностью речевого жанра «портрет» и отличается от других разновидностей характером эмотивности. Развертывание текста некролога детерминировано его интенциональностью, включающей осведомление о биографических данных, портретное описание, объяснение эстетической оценки этапов творческого пути, социальную оценку роли персоны.

2. Текстам, являющимся воплощением коммуникативного сценария «некролог», присуща тональность скорби и сожаления, переходящая в концовке в утверждение вечной жизни. Особое значение в связи с этим приобретают глагольные формы, чередование которых на протяжении всего текста помогает читателю и автору смириться со свершившимся фактом, а самого творца изобразить как классика, «ушедшего в вечность».

3. В некрологе на первый план выдвигается оценка человека и его творческого пути, портретные и биографические данные подаются в текстах, лично окрашенных. Для создания речевого портрета творческой личности важное значение приобретают средства выражения эстетической оценочности: оценочная лексика, номинации, художественные средства выразительности, степени сравнения прилагательных и проч., позволяющие сформировать в сознании аудитории образ «зна-

чимой личности» и ярко высветить вклад личности в национальную и мировую культуру.

Литература

- Аверинцев 1986 — Аверинцев С. С. «Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации». *Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения*. Храпченко М. Б. (ред.). М.: Наука, 1986. С. 104–116.
- Апресян 1995 — Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания. *Вопросы языкознания*. 1, 1995: 37–67.
- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1998. 910 с.
- Бабушкин 1996 — Бабушкин А. П. *Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка*. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
- Барахов 1976 — Барахов В. С. *Искусство литературного портрета: Горький о В. И. Ленине, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове*. М.: Наука, 1976. 184 с.
- Бахтин 1996 — Бахтин М. М. «Проблема речевых жанров». Бахтин М. М. *Собрание сочинений: В 7 т.* Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х годов. Бочаров С. Г., Гоготишвили Л. А. (ред.). М.: Русские словари, 1996. С. 159–206.
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Вольф 1985 — Вольф Е. М. *Функциональная семантика оценки*. М.: Наука, 1985. 228 с.
- Дементьев 2010 — Дементьев В. В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Дускаева 2012 — Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура. *Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2, 2012: 253–260.
- Дускаева 2014 — Дускаева Л. Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта. *Медиалингвистика*. 1 (4), 2014: 5–15.
- Дускаева, Коняева 2015 — Дускаева Л. Р., Коняева Ю. М. «Звездная персона» в арт-журналистике: стилистико-речевая репрезентация коммуникативного сценария. *Филология и человек*. 1, 2015: 15–24.
- Кифер 1985 — Кифер Ф. «О роли прагматики в лингвистическом описании». *Новое в зарубежной лингвистике: В 25 т.* Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 333–348.
- Ковтунова 1995 — Ковтунова И. И. «О поэтических образах Б. Пастернака». *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей*. Красильникова Е. В. (ред.). М.: Наследие, 1995. С. 132–207.
- Коняева 2015 — Коняева Ю. М. Творческая личность в арт-медиадискурсе. *Культура/Culture*. 12, 2015: 41–52.
- Лихачев 1970 — Лихачев Д. С. *Человек в литературе Древней Руси*. М.: Наука, 1970. 180 с.
- Лотман 1985 — Лотман Ю. М. Биография — живое лицо. *Новый мир*. 2, 1985: 228–236.
- Никитина 2006 — Никитина Л. Б. *Образ-концепт «homo sapiens» в русской языковой картине мира*. Дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2006. 380 с.
- Одинцова 1996 — Одинцова М. П. «Синонимия в свете базовых речемыслительных и речеповеденческих характеристик человека». *Славянские чтения: Материалы конференции. (Омск, 24 мая 1996 г.)*. Вып. 5: Гуманитарное знание и образование: традиции и современность. Омск, 1996. С. 126–129.
- Перхин 2001 — Перхин В. В. «Открывать красоты и недостатки...». *Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век*. СПб.: Лицей, 2001. 255 с.
- Пименова 1996 — Пименова М. В. *Ментальность: Лингвистический аспект*. Кемерово: КемГУ, 1996. 82 с.
- Рейтблат 2014 — Рейтблат А. И. *Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 415 с.
- Салимовский 2002 — Салимовский В. А. *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (Русский научный академический текст)*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
- Телия 1996 — Телия В. Н. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

- Тертычный 2000 — Тертычный А. А. *Жанры периодической печати*. М.: Аспект Пресс, 2000. 311 с.
- Урысон 1995 — Урысон Е. В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия». *Вопросы языкознания*. 3, 1995: 3–16.
- Minsky 1970 — Minsky M. Form and Content in Computer Science. *Journal of the Association for Computing Machinery*. 17 (2), 1970: 197–215.

Для цитирования: Коняева Ю. М. «Ушедшие в вечность»: речевая репрезентация творческой личности в некрологе // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 443–454. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.311.

References

- Аверинцев 1986 — Averintsev, S. S. “Istoricheskaia podvizhnost kategorii zhanra: opyt periodizatsii” [Historical flexibility of the category of genre: periodisation]. *Istoricheskaia poetika: itogi i perspektivy izucheniia* [Historical poetics: outcomes and areas of research]. Khrapchenko, M. B. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116. (In Russian)
- Апресян 1995 — Apresian, I. D. Obraz cheloveka po dannym iazyka: Popytka sistemnogo opisaniia [An image of a person based on the linguistic data: Systemic approach]. *Voprosy Jazykoznanija — Topics in the Study of Language*. 1, 1995, pp. 37–67. (In Russian)
- Арутюнова 1998 — Arutiunova, N. D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1998. 910 p. (In Russian)
- Бабушкин 1996 — Babushkin, A. P. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoi semantike iazyka* [Types of concepts in lexical and phraseological semantics of the language]. Voronezh, Voronezh State Univ. Publ., 1996. 104 p. (In Russian)
- Баратов 1976 — Barakhov, V. S. *Iskusstvo literaturnogo portreta: Gorkii o V. I. Lenine, L. N. Tolstom, A. P. Chekhove* [Art of literature portrait: Gorkii about V. I. Lenin, L. N. Tolstoi, A. P. Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 184 p. (In Russian)
- Бахтин 1996 — Bakhtin, M. M. “Problema rechevykh zhanrov” [Speech genres]. Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: In 7 v.]. Bocharov, S. G., Gogotishvili, L. A. (eds.). Vol. 5: Works of 1940 — early 1960s. Moscow, Russkie slovari, 1996, pp. 159–206. (In Russian)
- Булыгина, Шмелев 1997 — Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoj grammatiki)* [Language conceptualization of the world (Russian grammar)]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 576 p. (In Russian)
- Вольф 1985 — Volf, E. M. *Funkcionalnaia semantika otenki* [Functional semantics of assesement]. Moscow, Nauka, 1985. 228 p. (In Russian)
- Дементьев 2010 — Dementiev, V. V. *Teoriia rechevykh zhanrov* [Theory of speech genre]. Moscow, Znack Publ., 2010. 594 p. (In Russian)
- Дускаева 2012 — Duskaeva, L. R. Intentionalnost rechevoi deiatelnosti zhurnalista: ontologiya i struktura [Intentionality of speech production of a journalist: onthology and structure]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika — Vestnik of St. Petersburg State University. Series 9. Philology. Asian studies. Journalism*. 2, 2012, pp. 253–260. (In Russian)
- Дускаева 2014 — Duskaeva, L. R. Medialingvistika v Rossii: lingvopraksiologicheskaja dominanta [Media linguistics in Russia: linguistic and axiological approach]. *Medialingvistika — Medialinguistics*. 1 (4), 2014, pp. 5–15. (In Russian)
- Дускаева, Коняева 2015 — Duskaeva, L. R., Koniaeva, Yu. M. “Zvezdnaia persona” v art-zhurnalistike: stilistiko-rechevaia reprezentatsiia kommunikativnogo scenariia [Celebrity-art-journalism: stylistic and speech representation of communication scenario]. *Filologiya i chelovek*. 1, 2015, pp. 15–24. (In Russian)
- Кифер 1985 — Kifer, F. “O roli pragmatiki v lingvisticheskom opisani” [On pragmatics in language description]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in the foreign linguistics]. Vol. 16: Linguistic pragmatics. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 333–348. (In Russian)
- Ковтунова 1995 — Kovtunova, I. I. “O poeticheskikh obrazakh B. Pasternaka” [On poetic images in B. Pasternak]. *Oчерки istorii iazyka russkoi poezii KhKh veka. Opyty opisaniia idiosstilei* [Essays on the history of the language of the Russian poetry in 20 century. Idiosstyles]. Krasilnikova, E. V. (ed.). Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 132–207. (In Russian)

- Коняева 2015 — Koniaeva, Yu. M. Tvorcheskaia lichnost v art-mediadiskurse [Creative personality in art-mediadiscourse]. *Kultura — Culture*. 12, 2015, pp. 41–52. (In Russian)
- Лихачев 1970 — Likhachev, D. S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Person in the literature of Ancient Rus]. Moscow, Nauka, 1970. 180 p. (In Russian)
- Лотман 1985 — Lotman, I. M. Biografiia — zhivoe litco [Biography as a live face]. *Novyi Mir*. 2, 1985, pp. 228–236. (In Russian)
- Никитина 2006 — Nikitina, L. B. *Obraz-kontsept “homo sapiens” v russkoi iazykovoii kartine mira* [Image-concept “homo sapiens” in the Russian world view]. Doctor diss. Omsk, 2006. 380 p. (In Russian)
- Одинцова 1996 — Odintsova, M. P. “Sinonimii v svete bazovykh rechmyslitelnykh i rechepovedcheskikh kharakteristik cheloveka”. *Slavianskie chteniia*. (Omsk, May 24, 1996). *Conference Proceedings*. Iss. 5: Gumanitarnoe znanie i obrazovanie: traditcii i sovremennost [Humanitarian knowledge and education: tradition and current time]. Omsk, 1996, pp. 126–129. (In Russian)
- Перхин 2001 — Perkhin, V. V. “Otkryvat krasoty i nedostatki...”. *Literaturnaia kritika ot rettsenzii do nekrologa. Serebrianyi vek* [“Openness of the beauty and drawbacks...”. *Critiques from a review to an obituary. Silver Age*]. St. Petersburg, Listei Publ., 2001. 255 p. (In Russian)
- Пименова 1996 — Pimenova, M. V. *Mentalnost: Lingvisticheskii aspekt* [Mentality: Linguistic aspect]. Kemeroovo, Kemerovo State Univ. Publ., 1996. 82 p. (In Russian)
- Рейтблат 2014 — Reitblat, A. I. *Pisat poperek: Stati po biografike, sotciologii i istorii literatury* [Towrite across: Articles on biographics, sociology and history of literature]. Moscow, New literary observer, 2014. 415 p. (In Russian)
- Салимовский 2002 — Salimovskii, V. A. *Zhanry rechi v funktsionalno-stilisticheskoi osveshchenii (Russkii nauchnyi akademicheskii tekst)* [Speech genres in functional and stylistic approach (Russian scientific academic text)]. Perm, Perm State Univ. Publ., 2002. 235 p. (In Russian)
- Телия 1996 — Teliia, V. N. *Russkaia frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian phraseology: Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p. (In Russian)
- Тертычный 2000 — Tertychnii, A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodic press]. Moscow, Aspect Press, 2000. 311 p. (In Russian)
- Урысон 1995 — Uryson, E. V. Fundamentalnye sposobnosti cheloveka i naivnaia “anatomiiia”. *Voprosy Jazykoznanija — Topics in the Study of Language*. 3, 1995, pp. 3–16. (In Russian)
- Minsky 1970 — Form and Content in Computer Science. *Journal of the Association for Computing Machinery*. 17 (2), 1970, pp. 197–215. (In English)

For citation: Konyaeva Yu. M. “Gone to Eternity”: Speech Representation of Creative Personality in the Obituary. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 443–454. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.311.

Статья поступила в редакцию 29 февраля 2016 г.

Статья рекомендована в печать 24 ноября 2016 г.